

УДК 347.961

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НОРМ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Э.М. Нуриева

Аннотация

В работе раскрываются особенности применения гражданско-правовых норм в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве. Исследуется трансформация гражданско-правовых норм в процессуальных институтах права на примере институтов представительства, правоспособности и дееспособности, правопреемства, сроков исковой давности.

Ключевые слова: гражданско-правовые нормы, институт представительства, гражданское процессуальное законодательство, арбитражное процессуальное законодательство.

В общей части гражданского и арбитражного процесса применение гражданско-правовых норм наиболее полно представлено в таких институтах, как гражданская и арбитражная процессуальная право- и дееспособность, гражданско-правовая ответственность в цивилистическом процессе, процессуальное правопреемство, судебное представительство, применение сроков исковой давности в гражданском и арбитражном процессе.

Понятие гражданской и арбитражной процессуальной правоспособности, то есть способности иметь права и обязанности, и в гражданском, и в арбитражном процессе полностью трансформируется из понятия правоспособности в гражданском праве. Правоспособность юридических лиц совпадает с их дееспособностью.

Институт гражданской и арбитражной процессуальной дееспособности также основан на нормах гражданского права. Так, Гражданский процессуальный кодекс (ГПК РФ) говорит о том, что процессуальная дееспособность, а именно способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю, принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет, и организациям (ГПК, ст. 37).

Гражданская и арбитражная процессуальная дееспособность организаций находится в прямой зависимости от гражданской дееспособности, которая, как известно, наступает с момента создания юридического лица и прекращается с момента внесения записи о его исключении из Единого государственного реестра юридических лиц.

Арбитражный процессуальный кодекс достаточно лаконичен в вопросе регулирования института право- и дееспособности организаций и юридических лиц, что говорит о том, что для арбитражного процесса достаточно гражданско-правовых норм, регулирующих данный вопрос, и об отсутствии необходимости их дублирования.

Гражданский же процесс имеет в применении данных норм свои особенности. Например, положение ч. 4 ст. 37 ГПК РФ о том, что в некоторых случаях по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных отношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Такой случай, в частности, предусматривается ст. 1047 Гражданского кодекса (ГК РФ), в соответствии с которой несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях (ГК, ст. 1047). Следовательно, в процессе, возникшем из такого обязательства, несовершеннолетний может совершать процессуальные действия лично. При этом привлечение законного представителя для участия в судопроизводстве оставляется на усмотрение суда.

В иных случаях, когда затрагиваются права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, их интересы в процессе защищают их законные представители. Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности.

Так, Военная коллегия Верховного суда РФ отменила решение военного суда по иску Ф. и Х. об изменении договора найма жилого помещения, вынесенное без привлечения несовершеннолетних сыновей – сторон, не достигших 18 лет, хотя решением суда затрагивались их жилищные права и законные интересы (Б).

Таким образом, мы видим, что гражданско-правовые нормы, относящиеся к институту правоспособности и дееспособности граждан и юридических лиц, применяясь в цивилистическом процессе, сохраняют свою сущность, остаются императивными, регулятивными нормами. Их функциональная направленность не изменяется. В то же время нормы процессуального закона включают новые положения, исходящие из особенностей процессуальных правоотношений, их субъектов и содержания.

Следует также отметить, что как правоспособность, так и дееспособность объединяются единым понятием правосубъектности, которое включает, наряду с указанными, третий элемент – деликтоспособность, или способность нести гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный противоправными действиями [1, с. 145].

В цивилистическом процессе вопрос гражданско-правовой ответственности является одним из актуальных. Существует мнение, что процессуальная ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности [2, с. 17; 3, с. 127; 4, с. 122]. Основная ее цель – пресечение правонарушений и обеспечение нормального существования общественных отношений. Сущность процессуальной ответственности состоит в претерпевании соответствующих процессуально-

правовых санкций ГПК РФ. Санкции могут состоять либо в недостижении субъектом желаемого результата (при отказе в принятии заявления, прекращении производства и т. п.), либо в возложении на него новой дополнительной обязанности, которая в известной мере ухудшает его положение (уплатить штраф, компенсировать потери другого лица и т. д.) [5, с. 29]. По мнению М.Р. Загидуллина, во втором случае речь идет об ответственности имущественного характера в гражданском процессе. Ученый также пишет о межотраслевом комплексном виде ответственности – ответственности имущественного характера, которая содержится во многих отраслях права. Гражданско-правовую ответственность следует определять как субинститут правового института ответственности в процессуальных отраслях права [5, с. 43–44].

Иные авторы предлагают понимать гражданско-правовую ответственность в процессуальной сфере как санкцию за правонарушение, обеспеченную возможностью государственного принуждения в виде судебного постановления и вызывающую для правонарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских, гражданско-процессуальных прав, возложения новых и (или) дополнительных гражданско-правовых и гражданско-процессуальных обязанностей либо лишений материального характера.

М.А. Вихут и И.М. Зайцев различают штрафную, компенсационную процессуальную ответственность, а также исследуют неблагоприятные процессуально-правовые последствия, связанные с применением гражданских процессуальных фикций. При этом штрафная и компенсационная ответственность являются видами ответственности имущественного характера [4].

Гражданско-правовая ответственность в гражданском праве – одна из форм государственного принуждения, связанная с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота.

Таким образом, сопоставив понятия гражданско-правовой ответственности в гражданском и арбитражном процессуальном праве, можно сделать вывод о том, что институт гражданско-правовой ответственности в цивилистическом процессе претерпевает изменения в силу того, что в указанной сфере действуют другие принципы правоотношений, и сами правоотношения имеют несколько иной характер, поскольку в число лиц, вовлеченных в общественные отношения в процессуальной сфере, входит суд. Данный орган не является равноправным участником процессуальных правоотношений, поскольку является обособленным участником, имеющим специфическое назначение. В гражданском и арбитражном процессе применение гражданско-правовой ответственности облекается в иную форму, однако сущность данного института сохраняется.

Процессуальное правопреемство, предусмотренное ст. 44 ГПК РФ и ст. 48 Арбитражного процессуального кодекса (АПК РФ) – замена стороны и третьего лица (правопреемства) другим лицом (правопреемником) в связи с выбытием из процесса субъекта спорного или установленного решением суда правоотношения [6, с. 118]. Следовательно, процессуальное правопреемство предполагает переход субъективного права или обязанности одного лица к другому в материальном праве.

В основном этот вопрос решается в соответствии с гражданским правом, предусматривающим правопреемство в случаях 1) общего (универсального) преемства в субъективных правах и обязанностях – наследование, реорганизация юридического лица; 2) перехода отдельного субъективного права или обязанности (сингулярное правопреемство), например, переход права собственности на спорную вещь, уступки требования, принятия на себя долга другого лица или в других случаях перемены лиц в обязательствах.

Однако само процессуальное правопреемство всегда носит общий характер, так как правопреемник продолжает участие в процессе правопреемника, и к нему переходят все процессуальные права и обязанности, которыми мог бы воспользоваться правопреемник независимо от того, является ли правопреемство в материальном праве общим или сингулярным.

Процессуальное правопреемство возможно на любой стадии цивилистического процесса. Вступление в процесс правопреемника оформляется определением суда, то есть облачается в определенную процессуальную форму (АПК, ст. 48, ч. 1). Вступая в процесс, правопреемник должен обосновать свое преемство, например, предоставить свидетельство о праве наследования, документ о реорганизации юридического лица, договор о переводе долга или об уступке требования.

Процессуальное правопреемство существенно отличается от замены ненадлежащей стороны по основаниям и процессуальным последствиям: процессуальное правопреемство наступает вследствие перемены (замены) субъектов спорного правоотношения, разрешаемого или разрешенного судом, тогда как при замене ненадлежащей стороны надлежащей между лицами, заменяющими друг друга, никакой материально-правовой связи нет.

Следует также указать на то, что процессуальное правопреемство исключается в случаях, когда недопустимо правопреемство в материальном праве, в частности, когда требование неразрывно связано с личностью истца или ответчика (по искам о расторжении брака, взыскании алиментов, восстановлении на работе и т. д.), а также тогда, когда преемство противоречит закону или договору.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в данном случае применение гражданско-правовых норм, относящихся к институту правопреемства, носит особый характер. Здесь процессуальное правопреемство вытекает из материального преемства: эти два института представляют собой причину и следствие. Однако процессуальное правопреемство имеет иную внешнюю форму и может быть только общим. Следует указать и на то, что в цивилистическом процессе важную роль играет принцип формализма, поэтому обязательным атрибутом института процессуального правопреемства является облечение его в определенную процессуальную форму – судебное постановление или судебный акт.

Еще одним процессуальным институтом, тесно связанным с применением гражданско-правовых норм в цивилистическом процессе, является судебное представительство – совершение одним лицом (представителем) в пределах имеющихся у него полномочий сделок и иных юридических действий от имени и в интересах другого лица (представляемого).

В гражданском и арбитражном процессах смысловое содержание представительства сохраняется: одно лицо также действует от имени и в интересах другого

лица. Однако меняется его направленность: институт представительства в процессуальной сфере имеет иные цели и призван решать иные задачи, что и позволяет говорить о нем как о самостоятельном процессуальном институте, подлежащем правовому регулированию гражданским и арбитражным процессуальным законом.

Главной задачей судебного представительства является ведение дел в суде, а именно совершение определенных процессуальных действий от имени и в интересах представляемого с целью достижения для него наиболее благоприятного исхода дела, чем и определяются особенности института судебного представительства в цивилистическом процессе, в частности, субъектный состав представительства в суде. Во-первых, наличие представителя в процессе не исключает возможности личного участия представляемого, что создает дополнительные гарантии защиты прав и законных интересов граждан и организаций в суде. Во-вторых, судебное представительство возможно по различным основаниям:

- 1) по волеизъявлению лица, участвующего в деле, выраженному в договоре или устно;
- 2) по предписанию закона (законное представительство, представительство юридических лиц их органами);
- 3) по назначению суда (ГПК, ст. 50).

В-третьих, несмотря на то что нормы о представительстве распространяются на всех лиц, участвующих в деле, в силу своей профессиональной компетентности прокурор не может действовать через представителя и обязан выступать в процессе лично.

Следует также указать на то, что гражданский процессуальный закон предъявляет определенные требования к лицам, которые могут быть представителями. Так, в соответствии со ст. 49 ГПК РФ представителями в суде могут быть дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела. Эти требования продиктованы прежде всего особенностью гражданских процессуальных правоотношений, где обязательным субъектом выступает государственно-властный орган – суд.

В ст. 51 ГПК РФ говорится о лицах, не имеющих права выступать в качестве представителей. К ним в первую очередь относятся судьи, прокуроры, следователи. Данная норма является оправданной и направлена на сохранение объективности и беспристрастности суда при вынесении законного и обоснованного решения.

Стоит отметить, что АПК РФ в ст. 60 расширил перечень лиц, которые не могут быть представителями в суде, отнеся к ним также помощников судей и служащих аппарата суда, что, по нашему мнению, является справедливым и также необходимо и в гражданском процессе.

Следует отметить еще одно отличие института судебного представительства от института представительства, регулируемого гражданским законодательством: судебное представительство имеет внешнюю и внутреннюю составляющие, и к последней относятся материально-правовые отношения между представителем и представляемым, основанные на гражданско-правовом договоре. Внешняя же сторона судебного представительства выражена в процессуальных правоотношениях между представителем и судом, представляемым и судом.

Именно права и обязанности лиц, участвующих в деле, которые приобретаются ими с момента возникновения гражданских и арбитражных процессуальных правоотношений, передаются представителю в качестве его полномочий. Здесь существенно разграничение полномочий на общие, которые представитель вправе совершать от имени представляемого, и специальные, совершение которых должно быть обязательно оговорено в доверенности. Такое разграничение имеет несколько предпосылок: особый характер специальных полномочий и их реализации, несомненно, влияет на исход дела, возможность участия в процессе самого представляемого и осуществление специальных полномочий им лично.

Необходимо отметить, что внешней формой представительства может быть доверенность, требования к оформлению которой предусмотрены гражданско-правовым законом. Документы, подтверждающие статус законных представителей, также указаны в ГК РФ. Гражданско-правовые нормы регулируют в данном случае и формальную сторону правоотношений, так как вышеназванные документы представляются в суд и их наличие имеет процессуальные последствия.

Таким образом, выявление особенностей института представительства в цивилистическом процессе позволяет утверждать, что в данном случае межотраслевая связь выражается не только в комплексном регулировании данного института, но и в его трансформации из гражданско-правового в процессуально-правовой, что связано с преобразованием внешней формы представительства и обусловлено целью наиболее полного и конкретного правового регулирования, которое было бы невозможным при сохранении института представительства только в рамках гражданского права.

В завершение мы считаем необходимым осветить вопрос применения института исковой давности в цивилистическом процессе. В соответствии со ст. 195 ГК РФ исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Требование о защите нарушенного права принимается к рассмотрению судом независимо от истечения срока исковой давности.

Исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре, сделанному до вынесения судом решения. В соответствии с п. 12 совместного Постановления Пленумов Верховного суда и Высшего Арбитражного суда РФ (ВС и ВАС РФ) от 28 февраля 1995 г. № 2/1 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Части первой Гражданского кодекса РФ» заявление стороны в споре о применении срока исковой давности является основанием к отказу в иске при условии, что оно сделано на любой стадии процесса до вынесения решения судом первой инстанции, и пропуск указанного срока подтверждается материалами дела.

Суд не вправе применять исковую давность по собственной инициативе, при подготовке дела к судебному разбирательству судья не имеет права предлагать какой-либо из сторон представлять доказательства или давать объяснения, связанные с пропуском срока исковой давности. Следует указать и на то, что заявление о пропуске срока исковой давности, сделанное третьим лицом, не является основанием для применения судом исковой давности. Заявление одной из сторон о применении срока исковой давности может быть сделано как

письменно, так и устно в ходе судебного разбирательства, что заносится в протокол судебного заседания.

Интересными для анализа представляются и положения ст. 203 ГК РФ о том, что течение срока исковой давности прерывается предъявлением иска в установленном порядке. Совместное постановление Пленумов ВС и ВАС РФ № 15/18 от 15 ноября 2001 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса РФ об исковой давности» конкретизирует данные положения. В частности, указывается, что исковая давность прерывается предъявлением иска в установленном порядке, то есть с соблюдением правил о подведомственности и подсудности дела, о форме и содержании искового заявления, об оплате его государственной пошлиной, а также других предусмотренных ГПК и АПК РФ требований, нарушение которых влечет отказ в принятии искового заявления или его возврат истцу.

Заявление о выдаче судебного приказа с соблюдением положений, предусмотренных гл. 11 ГПК РФ, прерывает течение срока исковой давности, так же как и подача в установленном порядке искового заявления.

Если в принятии заявления было отказано по основаниям, предусмотренным ст. 134 ГПК РФ, либо оно возвращено истцу в соответствии со ст. 135 ГПК и ст. 129 АПК РФ, то срок исковой давности прерывается лишь с того дня, когда заявление будет подано в суд с соблюдением установленного порядка.

В случае своевременного исполнения истцом всех требований, изложенных в определении судьи об оставлении заявления без движения, а также при отмене определения о возврате заявления, данное заявление в силу ч. 2 ст. 136, ч. 3 ст. 135 ГПК РФ, ч. 3 ст. 128, ч. 5 ст. 129 АПК РФ считается поданным в день его первоначального представления в суд, и именно с этого времени прерывается срок исковой давности.

Срок исковой давности по требованию к привлеченному судом другому ответчику или второму ответчику прерывается в день заявления истцом соответствующего ходатайства, а при отсутствии такого ходатайства – с момента привлечения судом этого ответчика к участию в деле.

Если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности и уважительных причин для восстановления этого срока не имеется, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования именно по этим основаниям, поскольку в соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске.

Таким образом, анализ положений законодательства и судебной практики о применении срока исковой давности позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, институт исковой давности является исключительно гражданско-правовым институтом. Тем не менее сфера его применения – процессуальная, то есть данный институт содержит только нормы охранительного характера, действующие лишь в случае нарушения или несоответствующего исполнения чьих-либо прав и законных интересов.

Во-вторых, применение срока исковой давности в цивилистическом процессе имеет серьезное процессуальное последствие – отказ в иске, потерю возможности защиты своего нарушенного права по собственной вине.

На наш взгляд, гражданско-правовые нормы созданы как нормы охранительные, для защиты нарушенных прав, то есть их функция изначально заключается в применении данного института в цивилистическом процессе без изменения формы и содержания.

На основании анализа процессуальных и гражданско-правовых институтов, тесно связанных с применением гражданско-правовых норм в общей части гражданского и арбитражного процесса, представляется возможным отметить несколько особенностей применения гражданско-правовых норм в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве.

Изучив такие процессуальные институты, как гражданская и арбитражная право- и дееспособность, процессуальное правопреемство, судебное представительство, мы определили, что в каждом конкретном случае применение гражданско-правовых норм в процессе осуществляется по-разному.

Так, гражданско-правовые нормы, относящиеся к институту правоспособности и дееспособности граждан и юридических лиц, в процессе их применения в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве полностью сохраняют свою сущность, остаются императивными, регулятивными нормами. Их функциональная направленность не изменяется. В то же время нормы процессуального закона включают новые положения, исходящие из особенностей процессуальных правоотношений, их субъектов и содержания.

При процессуальном же правопреемстве материальное правопреемство не является основой данного института, оно представляет собой законное основание для процессуального преемства, которое в то же время имеет свои отличительные черты. Здесь внешней формой правоотношений является процессуальный документ, регулируемый нормами процессуального законодательства. Однако справедливо утверждать, что сущности данных институтов совпадают, а значит, гражданско-правовые нормы, относящиеся к институту правопреемства, не изменяются при их применении в цивилистическом процессе.

Совершенно иное следует отметить относительно применения гражданско-правовых норм в институте судебного представительства, когда межотраслевая связь выражается не только в комплексном регулировании данного института, но и в его трансформации из гражданско-правового в процессуально-правовой, что связано с преобразованием внешней формы представительства. Институт представительства в процессуальной сфере имеет иные цели и призван решать иные задачи, что и позволяет говорить о нем как о самостоятельном процессуальном институте, подлежащем правовому регулированию гражданским и арбитражным процессуальным законом.

Изучение таких институтов гражданского права, как институт гражданско-правовой ответственности и институт исковой давности, свидетельствует о том, что их применение в цивилистическом процессе различно.

Гражданско-правовая ответственность в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве носит исключительно имущественный характер и претерпевает изменения в силу того, что в указанной сфере действуют другие

принципы правоотношений, поскольку в число лиц, вовлеченных в общественные отношения в процессуальной сфере, входят судьи. В гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве применение гражданско-правовой ответственности облекается в иную форму, однако сущность данного института сохраняется, полной трансформации института процессуальной ответственности не происходит, так как институт процессуальной ответственности носит самостоятельный характер и регулируется процессуальным законодательством. Гражданско-правовые нормы, входящие в институт гражданско-правовой ответственности, в процессуальной сфере остаются охранительными нормами, как и в гражданском праве, их функциональная направленность не меняется.

Институт применения срока исковой давности, в отличие от прочих рассмотренных нами институтов, являясь изначально гражданско-правовым, сформирован для применения исключительно в процессуальной сфере, что предопределяет охранительный характер гражданско-правовых норм данного института.

Определив особенности применения гражданско-правовых норм в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве, следует отметить, что такое применение имеет следующие последствия:

- 1) гражданско-правовые нормы, носящие регулятивный или охранительный характер, сохраняют свою сущность;
- 2) регулятивные гражданско-правовые нормы в силу их применения в процессуальной сфере меняют свою функциональную направленность и становятся нормами охранительными.

Summary

E.M. Nurieva. The Peculiarities of Application of Civil Law Regulations in Arbitration and Civil Procedural Legislation.

The paper reveals the peculiarities of application of civil law regulations in arbitration and civil procedural legislation. The transformation of civil law regulations in procedural law institutions is studied by the example of the institutions of legal representation, legal capacity, legal succession, and legal limitation.

Key words: civil law regulations, institution of legal representation, civil procedural legislation, arbitration procedural legislation.

Источники

- ГПК – Гражданский процессуальный кодекс РФ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
ГК – Гражданский кодекс РФ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410; СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.
Б – Бюл. Верховного Суда РФ. – 1999. – №4. – С. 12–13.
АПК – Арбитражный процессуальный кодекс РФ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

Литература

1. Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 704 с.
2. *Богданова М.С.* Юридическая ответственность: основание, виды, субъекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 22 с.

3. *Валеев Д.Х.* Процессуальные гарантии прав граждан и организаций в исполнительном производстве. – Казань: Унипресс, 2001. – 164 с.
4. *Викут М.А., Зайцев И.М.* Гражданский процесс в России. – М.: Юрист, 1999. – 384 с.
5. *Загидуллин М.Р.* Гражданско-правовая ответственность в исполнительном производстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2003. – 177 с.
6. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ / Отв. ред. М.С. Шакарян. – М.: Проспект, 2007. – 816 с.

Поступила в редакцию
16.04.12

Нуриева Эльвира Марсовна – аспирант кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: elviraganeeva@yandex.ru